

А. В. Чернецов

(Москва)

ПЕРСТЕНЬ-ПЕЧАТЬ С БИБЛЕЙСКОЙ ЦИТАТОЙ

Статья посвящена перстню-печатке с библейской цитатой, попытке ее прочтения и поиску аналогов среди средневековых религиозных текстов. Также рассматриваются разные виды амулетов, которые существовали на Руси в эпоху средневековья и Нового времени.

Ключевые слова: амулет, змеевик, перстни-печатки, символика, аналогии, Соломон, библейские тексты.

Русские амулеты эпохи средневековья и Нового времени рассматривались в многочисленных специальных работах (Рябинин 1989; Толстой 1995, с. 105—106; Райан 2006, с. 309—438). Вместе с тем, изученность этого материала представляется недостаточной.

Значительная часть позднеантичных и средневековых амулетов представляет собой печати, печатки, перстни-печати. Иногда название «печати» присваивается специфическим магическим рисункам, включающим колдовские знаки, надписи и, как правило, вписанным в круг (Henrici Cornelia Agrippae 1567, с. 391—393; Winkler 1930).

На рубеже Новой эры среди подобных талисманов особенно выделяются так называемые «гностические геммы» — резные камни, вставки перстней-печатей, отражающие синкретические греко-восточные культы эпохи поздней античности (Bonner 1950; Delatte, Derchain 1964). На них, как правило, преобладают греко-египетские мотивы, но присутствуют и греко-сиро-месопотамские, греко-малоазийские и иные мотивы, в частности, греко-иудейские и греко-раннехристианские. Отметим значительное распространение подобных амулетов в Северном Причерноморье (Неверов 1974). Гностические геммы можно, с известной степенью осторожности, рассматривать как перво-

источник таких групп позднейших амулетов, как так называемые амулеты-змеевики, получившие значительное распространение на Руси, но имеющие византийское происхождение, и многочисленные амулеты, связанные с образом царя Соломона. Необходимо отметить использование гностических гемм в качестве печаток средневековыми и позднесредневековыми пользователями, в частности, русскими (Собрание государственных грамот и договоров 1813, с. 338; Иванов 1858, табл. V, 72).

Русские материалы по теме распадаются на три, в достаточной мере, автономные группы: костяные и металлические подвески, представленные в археологическом материале, для которых можно предполагать языческие истоки; средневековые тексты, использовавшиеся в роли амулетов, примыкающие к ним амулеты с надписями, описания амулетов в рукописях позднесредневековых лечебников и травников; народные амулеты в составе этнографических коллекций или описаний связанных с ними обрядов. Вследствие ведомственных барьеров, разделяющих специалистов, работающих с различными группами материала, общая картина использования амулетов восточными славянами на сегодняшний день представляется весьма фрагментированной. По этой причине изучение амулетов, снабженных надписями, представляет собой перспективное направление в области изучения средневековых суеверий и связанных с ними амулетов.

Амулеты домонгольского времени, представленные в археологическом материале (прежде всего в погребениях), не всегда могут быть надежно увязаны с язычеством или его реликтами. Среди подвесок, изображающих полумесяц (так называемые «лунницы») встречаются осложненные дополнительным мотивом в виде

креста. Подвески-топорики, которые первоначально уверенно связывали с языческим культом Перуна (Даркевич 1961), как выяснилось, датируются периодом после принятия христианства и связаны с зажиточной, заведомо христианской частью населения (Макаров 1992).

Каменные орудия первобытных людей, использовавшиеся в эпоху средневековья в качестве амулетов, могут иметь металлическую оправу с изображением креста (Седова 1957) или даже гравированные христианские мотивы (полированный топор из Киева (Ивакин, Чернецов 2002)).

Весьма распространенные на Руси с XI в. амулеты-змеевики (Николаева, Чернецов 1991) с самого начала своего бытования имеют отчетливо выраженный христианский характер. Имеющееся на них изображение демонического существа можно отнести к реликтам язычества, но язычества не русского, а греческого, византийского. Представления, связывавшиеся с амулетами-змеевиками, во многом проясняются благодаря наличию на них многочисленных и нередко достаточно пространных, надписей, как греческих, так и славянских. Долгое время византийские прототипы русских змеевиков оставались малоизученными, однако сравнительно недавно была опубликована значительная сводка подобных материалов, заполнившая этот пробел (Spier 1993).

Сочетание на амулетах-змеевиках христианских изображений с нехристианскими представляет собой любопытный феномен, связанный с религиозным синкретизмом. Наличие подобного сочетания позволяет сблизить с этими амулетами некоторые другие памятники. Так, происходящая из Зарайска каменная иконка-медальон XIII в., которая несет на одной стороне изображение деисуса, а на другой сцену полета языческого царя Александра Македонского на грифонах (легендарный эпизод из «Александрии» Псевдокаллисфена), может рассматриваться как магический талисман, подобный амулетам-змеевикам (Чернецов 2008, с. 60—62).

В последнее время интенсивно изучаются специфические болгарские амулеты, часть которых датируется X в., причем в имеющихся на них надписях встречаются глаголические буквы. Эти амулеты представляют собой свернутые в рулон металлические (как правило, свинцовые) пластинки с магическими текстами (см. напр.: Попконстантинов 2004). Подобные находки (их насчитывается несколько десятков) позволяют напрямую связывать археологические материалы с рукописными текстами. Болгарские амулеты вписываются в более широкую средиземноморскую традицию, в которой значительное распространение имели так называемые «таблички с проклятиями», на которых перечислялись имена прокливаемых (Михайлова, Чехонадская 2005). Такие таблич-

ки нередко несут следы намеренных повреждений, протыкания.

Дальнейшее изложение посвящено сравнительно позднему русскому перстню-печати, на котором выгравирована надпись — текст, приписывавшийся библейскому царю Соломону. Учитывая популярность преданий о волшебном кольце Соломона, а также о его чудесной печати, можно с достаточной уверенностью полагать, что рассматриваемый перстень мог выступать в роли талисмана.

Русским печатям и их оттискам, в первую очередь тем из них, которые имели государственное значение, посвящена значительная литература (Иванов 1858; Снимки древних русских печатей 1882; Янин 1970; Янин, Гайдуков 1998; Соболева 1991). При этом многочисленные печати, в частности перстни-печатки частных лиц, сравнительно редко привлекают внимание исследователей (Антошевский 1903; Романченко 1905; Седова, Курганова 1998; Нелюбов 2002). Эта статья посвящена серебряному перстню-печатке, находящемуся в частных руках. Его владелец, покойный Г.И. Дагиров, которому перстень достался по наследству, обращался к специалистам за консультацией относительно датировки перстня и истолкования имеющейся на нем надписи. Сотрудница Государственного Эрмитажа Л.А. Завадская датировала перстень XVI—XVII вв. и предположила, что это изделие западноевропейских мастеров, а славянская кириллическая надпись вырезана на щитке позднее. С этим определением следует в основном согласиться; и для перстня, и для имеющейся на нем надписи более вероятной представляется поздняя часть предложенной даты — середина — вторая половина XVII в. Письмо Г.И. Дагирова с просьбой о консультации, а также любезно предоставленные им фотографии перстня, были переданы мне чл.-корр. РАН профессором Р.М. Мунчаевым.

На щитке перстня в восьмиугольной рамке помещена в зеркальном изображении шестистрочная надпись (рис. 1):

Рис. 1. Надпись на щитке перстня-печати (для удобства прочтения и поиска палеографических аналогий приводится в зеркальном изображении)

ТРЕМІ
ЗЫБЛЕТ
СЯИТРЯСЕ
ТСЯЧАЕТВ
ЕРЬТАГОНЕ
МОЖЕ

«Тремi зыблется и трясется, а четвертаго не може»; в последней строчке после конечного «е» надстрочная точка, возможно, заменяющая окончание — «ть»).

Эта надпись может с полным основанием быть определена как загадочная. Взятая сама по себе она непонятна; подлежащее в изречении отсутствует, значение, которое связывалось с числительными «три» и «четвертое» остается нераскрытым.

Очевидно, перед нами довольно распространенная в книжности и фольклоре игра символической чисел. В традициях многих народов можно найти огромное количество всевозможных пар, троиц, четвериц, седмиц и т. д. Можно вспомнить такие русские пословицы, как «Три раза прости, в четвертый прохворости» или «Семь раз отмерь — один раз отрежь».

В традиционной русской книжности числовая символика иногда приобретает исключительно вычурный характер. В конце своего завещания, составленного в 1407 г., митрополит всея Руси Киприан «написа философски»: «Како разставися сугубое (двойное), како утаися вскоре тричастное, погибе четвертое же, растле пятое без дыхания и мертво?... Увы, сугубая десятирица погибе, и по седмей и осмая же будущего воображает растворение...» (ПСРЛ 1965, с. 197). Общий смысл этой ламентации на тему «все прах и тлен» ясен, однако конкретная расшифровка всех этих «троиц» и «десятериц» требует углубленного знания книжности эпохи.

Возвращаясь к надписи на перстне, которая смоделирована по типу «3 — то-то и то-то, а 4-е невозможно» или «3 — то-то и то-то, а 4-е — тем более», отметим, что она сходна с известной формулой апологетов русского самодержавия «два Рима падоша, третий стоит, а четвертому не быти». Это соблазнительное сопоставление приходило в голову и владельцу печати, однако в данном случае речь идет об общем сходстве, а не о точной, несомненной аналогии.

В древнерусской книжности конца XVII в. есть сочинение, специально посвященное «четверицам». Это «Четвертак», перевод стихотворения польского поэта Яна Жабчица «Czwartak». В нем можно найти, например, такие сентенции «Четыре вещи никогда у всякого насыщены: ухо, язык, рука, к тому же и сердце» (Николаев 1981). Однако и эти «четверицы», характерное порождение западной риторики и схоластики, не дают достаточно близких аналогий надписи на перстне.

Рассмотрение всех этих порождений средневековой книжности закономерно приводит к

мысли обратиться к их первоисточнику — 30 главе Притчей Соломоновых, где также широко представлена числовая символика. Здесь мы находим и ближайшую аналогию надписи на перстне. Отметим, что в древнееврейской (масоретской) и протестантской версии Библии эта глава принадлежит не Соломону, а Агуру, сыну Иакееву, и адресована Ифиилу, Ифиилу и Укалу. В Септуагинте и старославянском переводе Библии эти сведения отсутствуют. Очевидно, что на Руси этот текст воспринимался как принадлежащий самому Соломону.

В библейском тексте имеется и расшифровка, что в данном случае подразумевается под цифрами 3 и 4.

Привожу соответствующий библейский текст (слева русская версия, справа — церковнославянская, по Библии 1581 г., изданной на Украине, в Остроге, русским и украинским первопечатником, москвичом Иваном Федоровым).

21. От трех трясется земля, четырех она не может носить:	21. Трехи трясется земля, четвертаго же не может понести:
22. Раба, когда он делается царем; глупого, когда он досыта ест хлеб;	22. Аще раб възаритися, и безумный исполнится пищею;
23. Позорную женицу, когда она выходит замуж, и служанку, когда она	23. И раба, аще ижде-нет свою госпожду, и мръзка жена аще клюзанимает место госпожи чится добру мужу своей.

Надпись на перстне фактически тождественна старославянскому тексту Библии, но, все же, она имеет существенные отличия, которые должны быть объяснены. Первая особенность — отсутствие подлежащего «земля». Его можно объяснить стремлением придать «философской» надписи как можно более загадочный характер. Вторая, менее существенная особенность — появление рядом с глаголом «трясется» его синонима «зыблется». Последнее слово можно рассматривать не только как синоним слова «трясется», добавленный с целью придать тексту более экспрессивный характер, но и как зашифрованный намек на пропущенное слово «земля», поскольку именно так называется первая церковнославянская буква в слове «зыблется». Эти отступления от библейского текста, однако, не настолько существенны, чтобы поставить под сомнение предложенное установление источника текста на перстне.

Возможное истолкование смысла надписи: прославление добродетели (по принципу «от противного»). Выбор надписи мог определяться какими-то обстоятельствами личной жизни владельца (стих 23). Возможная политическая аллюзия — осуждение самозванцев эпохи Смутного времени (стих 22).

Цитата из книги, приписываемой царю Соломону, на перстне, очевидно, была призвана уподобить этот перстень легендарному перс-

тню-печати Соломона, с помощью которого он повелевал духами. На Руси подобные легенды имели значительное хождение, известны и печати, связанные с именами царей Давида (Янин 1954; Турилов 1994) и Соломона (Иванов 1858, табл. 19, 315; Снимки древних русских печатей 1882, табл. 114) (с изображением известного суда Соломона — 3-я кн. Царств, гл. 3, 16—28), а также магический квадрат с надписью-палиндромом,

С А Т О Р
А Р Е П О
Т Е Н Е Т
О П Е Р А
Р О Т А С

носивший название «Соломоновой печати» (Соболевский 1903, с. 226; Ryan 1986, с. 46—61). Перстни-печати с изображением царя Соломона известны также в византийской традиции (Банк 1956).

По преданию, Соломон (Сулейман мусульманских легенд) с помощью своего перстня повелевал демонами. Изображения демонов, служащих царю Соломону, известны и в западноевропейской (Grillot de Givry 1927, с. 90, рис. 70, с. 93, рис. 71, 72) и в восточной (Babelon 1894, с. 204, рис. 154) традиции (изображение на резной вставке для перстня-печати). Образ Соломона, повелевающего дьяволами, ярко отразился в русском заговоре первой половины XVII в.: «Царь Соломон владел сороке сотонами, а у тех сороке сотонах во устах огонь горит: так бы горело сердце сего раба божия...» (Русские заговоры 2010, с. 106).

Магический квадрат с надписью «САТОР» по объяснению русского колдуна конца XIX в. из Курской губ. несет на себе заклинание на никому непонятном «египетском» языке (Сперанский 1893, с. 51, сн. 3). Между тем «прозрачные» слова «tenet», «opera», «sator» ясно указывают на латинское происхождение талисмана.

Любопытно бытование древнерусских «печатей Соломона» с ошибочной надписью «ТЕРЕТ» вместо «ТЕНЕТ» («tenet» — лат. «держит») (Романова 2002, с. 64). Переход «Н» в «Р» наиболее правдоподобно объясняется происхождением данной дефектной версии «печати» из глаголического источника (глаголическое «Н» по начертанию близко кириллическому «Р»). Поскольку переписка глаголических книг кириллической азбукой осуществлялась не позднее XI в., эта ошибка указывает на то, что «Соломонова печать» пришла на Русь фактически одновременно с принятием христианства и распространением славянской письменности. Рассматриваемая магическая надпись бытовала в Средние века в продолжение многих столетий и воспроизводилась буквами различных алфавитов. Известна, в частности, такая руническая надпись на серебряном сосуде XI в.,

найденном на о. Готланд (Andersson 1983, с. 56, 85, табл. 15F).

Предлагаемая ранняя датировка появления на Руси магического квадрата «САТОР» вносит определенные уточнения в сложившиеся на сегодняшний день представления о славянской письменности древнейшей поры. Последняя, действительно, состояла по преимуществу из *minimum minimorum* имевшегося в византийской традиции — христианских текстов богослужебного назначения, ориентированных в первую очередь на монастырский обиход. Очень любопытно, что в эту квази-клерикальную традицию с самого начала вплетаются элементы оккультного характера. На это указывает не только «Соломонова печать». С XI в. на Руси распространяются византийские по происхождению амулеты-змевики, несущие греческую магическую надпись (заговор от недугов). Известна и славянская версия этого заклинания, датируемая XI в. — опять таки в глаголической рукописи (Николаева, Чернецов 1991, с. 17, 49, 50).

О том, какая магическая сила приписывалась на Руси печати Соломона, свидетельствует текст из лечебника XVII в. (ГПБ, Ф. 310, собр. В.М. Ундольского, № 696): «Аще кто кровью нетопыревою напишет у себя на руке слова красные печати Соломоновы, и положит та рука на сонного человека... и будет тот человек приятен к тому, как хочет» (Топорков 2002, с. 381).

Едва ли не ключевой текст русского средневекового оккультизма («Егда Соломон прият царство...») уделяет большое внимание перстню-печати царя: «Что есть печать большая, откуду, как ему приде... Повеле камень добыти в Ефиопии афракс (анфракс — греч. «уголь») зеленый и постави его в чистом злате и сделати перстень повеле и вырезать на нем печать сию... Мастер печать ему, царю Соломону, резал в той перстень РРРРЕЇДБИЕ. Аще кто хочет мудр быти, тогда приложи к сим числам ушеса своя. Имя всей мудрости введе в печать сию. Еще бо имя ему ТТТРН... Приложили еще к той же печати землемерие и многия мудрости внесенные в нея, халдейския и перския и афинския и еллинския и скивския (!), словенского языка и иных многих... Достоит в сердца Бога имети и страха его бояться; таковый осудится з сим ХТРП, и того имя есть ТСРРГ. Кто хочет и уразумеет имя его, что суть. Приложити к сим числам 666, ту будет плач и скрежет зубом...» (Соболевский 1903, с. 428). Этот темный текст, изобилующий зашифрованными аббревиатурами и каббалистическими числами, свидетельствует о том, какое значение приписывалось на Руси Соломоновой печати и одновременно указывает на трудности, которые стоят перед исследователями, обращающимися к подобным текстам и объектам.

Эти трудности, возникающие при изучении вопроса о восприятии библейских мотивов на

Руси, нарастают в тех случаях, когда мы переносимся из сферы церковной ортодоксии в мир так называемого «народного православия», простонародных и книжных суеверий. Сравнительно простая задача идентификации библейского текста на перстне XVII в. оказывается непосредственно связанной с фундаментальной проблематикой изучения духовной культуры наших предков в контексте повседневности.

Антошевский И.К. Надписи и девизы на печатях частных лиц. — СПб., 1903.

Банк А.В. Гемма с изображением Соломона // ВВ. — 1956. — № 8. — С. 331—337.

Даркевич В.П. Топор как символ Перуна в славянском язычестве // СА. — 1961. — № 4.

Ивакин Г.Ю., Чернецов А.В. Уникальный амулет из раскопок в Киеве // Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков. — М., 2002. — С. 521—532.

Иванов П. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве министерства юстиции. — М., 1858.

Макаров Н.А. Древнерусские амулеты-топорики // РА. — 1992. — № 2.

Михайлова Т.А., Чехонадская Н.Ю. Галльская «табличка из Ларзака». Прагматика и жанр // Заговорный текст. Генезис и структура. — М., 2005. — С. 73—92.

Неверов О.Я. Гностические геммы, перстни и амулеты юга СССР // ВДИ. — 1974. — № 1.

Нелюбов С. Символика средневековых русских перстней // Цейхгауз. — 2002. — № 1. — С. 2—5.

Николаев С.И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. — Л., 1981. — Т. XXXVI. — С. 163—192.

Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. — М., 1991.

Полное собрание русских летописей. — М., 1965. — Т. XI.

Попконстантинов К. Два средневековых амулета от Х в. против тресавицы // Сб. в чест на проф. д-р Ангел Давидов. — Велико Търново, 2004.

Райан В.Ф. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России. — М., 2006.

Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV—XVII вв. — СПб., 2002.

Романченко Н.Ф. Надписи и девизы на русских печатях моего собрания. — СПб., 1905.

Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / Сост. А.Л. Топорков. — М., 2010.

Рябинин Е.А. Языческие привески-амулеты древней Руси // Древности славян и Руси. — М., 1989.

Седова М.В. Амулет из древнего Новгорода // СА. — 1957. — № 4.

Седова М.В., Курганова Н.М. Перстни-печати XV—XVII вв. из Суздаля // Историческая археология: Традиции и перспективы. — М., 1998. — С. 231—236.

Снимки древних русских печатей. — М., 1882.

Соболева Н.А. Русские печати. — М., 1991.

Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. — СПб., 1903.

Собрание государственных грамот и договоров. — М., 1813. — Т. I.

Сперанский М.Н. О змеевике с семью отроками // Археологические известия и заметки. — М., 1893. — № 2. — С. 49—60.

Толстой Н.И. Амулет // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. — М., 1995. — Т. I. — С. 105—106.

Топорков А.Л. Суеверия в лечебниках XVII—XVIII вв. // Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков. — М., 2002. — С. 376—393.

Турилов А.А. «Все ся минеть». Отголоски легенды о царе Давиде в русской сфрагистике и книжности // Славяне и их соседи. — М., 1994. — Вып. 5. — С. 107—113.

Чернецов А.В. «Полет Александра Македонского». Новые материалы к иконографии // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. — М., 2008.

Янин В.Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. — М., 1970. — Т. I, II.

Янин В.Л. Редчайший памятник московской сфрагистики XIV в. // КСИИМК. — М., 1954. — Вып. 53. — С. 148—150.

Янин В.Л., Гайдюков П.Г. Актовые печати древней Руси X—XV вв. — М., 1998. — Т. III.

Andersson A. Medieval Drinking Bowls of Silver Found in Sweden. — Stockholm, 1983.

Babelon E. La gravure en pierres fines camees et intailles. — Paris, 1894.

Bonner C. Studies in magical amulets, chiefly graeco-egyptian // University of Michigan studies, Humanistic series. — London, 1950. — Vol. XLIX.

Delatte A., Derchain Ph. Les intailles magiques greco-egyptiennes. — Paris, 1964.

Grillot de Givry. Le musee des sorciers, les mages et les alchemists. — Paris, 1927.

Henrici Cornelii Agrippae ab Nettesheym De occulta philosophia libri tres. — Parisiis, 1567.

Ryan W.F. Solomon, SATOR, acrostics and Leo the Wise in Russia // Oxford Slavonic Papers, n.s. XIX, 1986. — P. 46—61.

Spier J. Medieval Byzantine amulets and their tradition // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1993. — V. 56. — P. 25—62.

Winkler H.A. Siegel und Charaktere in der Muchammedanischen Zauberei. — Berlin; Leipzig, 1930.

О. В. Чернецов

ПЕРСТЕНЬ-ПЕЧАТКА З БІБЛІЙНОЮ ЦИТАТОЮ

Стаття присвячена персня-печатці з біблійною цитатою, спробі її прочитання і пошуку аналогій серед середньовічних релігійних текстів. Також розглядаються різні види амулетів, які існували на Русі в епоху середньовіччя і Нового часу.

A. V. Chernetsov

SEAL-RING WITH A BIBLICAL CITATION

Paper is devoted to the seal-ring with a biblical citation. Author makes an attempt to read it and search analogies among religious texts of the Middle Ages. It is also reviewed several types of amulets circulated in Old Russ at the period of the Middle Ages and in a New Time.